

ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В. А. САПУН,* К. В. ШУНДИКОВ**

Статья посвящена развитию инструментальной теории права в современной отечественной юриспруденции. Осмысливается методологический статус юридического инструментализма, раскрывается сущность инструментальной идеи в правоведении, анализируется содержание понятий «инструментальный подход» и «инструментальная теория». Оценивается гносеологический и методологический потенциал инструментального подхода к праву. Делается вывод о том, что инструментальный подход открывает новые возможности в исследовании ряда проблем правовой науки, в частности, таких как: социальная и инструментальная ценность позитивного права, телеологические аспекты правового регулирования, инструментальные свойства и закономерности правовой материи, функции права, практическое действие правовых средств и механизмов, концепция правовой политики общества.

Одна из важных задач инструментальной теории права — исследовать роль человеческой деятельности в использовании правовых средств в процессе правового регулирования. Подчеркивается значение праксиологии как общей теории человеческой деятельности для исследования деятельности в инструментальной теории права.

Исходя из анализа структуры деятельности и ее этапов с позиций праксиологии и инструментального подхода к праву, предлагается понятие деятельности в сфере правового регулирования как активного воздействия субъекта на объект (предмет) правового регулирования, осуществляемое с помощью правовых средств, ради достижения стоящих перед субъектом целей и решения конкретных задач.

Применение положений праксиологии позволило выделить наиболее общие фазы человеческой деятельности в сфере правового регулирования, а также проанализировать особенности деятельности субъектов по использованию правовых средств в рамках общедозволительного и разрешительного типов правового регулирования.

* Сапун Валентин Андреевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГЭУ.

Sapun Valentin Andreevich — doctor of legal sciences, professor of the department of theory and history of state and law of the St. Petersburg State University of Economics.

** Шундиков Константин Валентинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства Северо-Западного института управления РАНХиГС.

Shundikov Konstantin Valentinovich — candidate of legal sciences, associate professor of the department of law and state of the North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

© В. А. Сапун, К. В. Шундиков, 2013

E-mail: shundikovkv@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: инструментальная теория права, человеческая деятельность, правовые средства, правовое регулирование.

SAPUN V. A., SHUNDIKOV K. V. INSTRUMENTAL THEORY OF LAW AND HUMAN ACTIVITY

The article is devoted to the development of the instrumental theory of law in modern Russian jurisprudence. The authors conceive a methodological status of legal instrumentalism, reveal the essence of an instrumental idea in legal science, and analyze the content of such notions as “an instrumental approach” and “an instrumental theory”. The authors evaluate the gnoseological and methodological potential of the instrumental approach to law. The conclusion is made that the instrumental approach provides new opportunities in studying some problems of the legal science, such as, in particular, social and instrumental value of the positive law, teleological aspects of legal regulation, instrumental properties and principles of legal material, functions of law, practical impact of the legal means and mechanisms, a concept of the legal policy of the society.

One of the most important tasks of the instrumental theory of law is to research the role of human activity in the usage of the legal means in the process of legal regulation. The authors emphasize the importance of praxeology as a general theory of human activity for studying the activity in the instrumental theory of law.

Based on the analysis of the activity structure and its stages in terms of praxeology and the instrumental approach to law, the authors propose a concept of activity in the sphere of legal regulation as the active influence of an agent on the object (subject) of legal regulation which is carried out through the legal means in order to achieve the purposes which the agent faces and to solve particular problems.

The application of praxeology provisions has enabled to identify the most common stages of the human activity in the sphere of legal regulation and to analyze the peculiarities of the agents' activity connected with the usage of the legal means in the framework of generally permissible and licensing types of legal regulation.

KEYWORDS: instrumental theory of law, human activity, legal means, legal regulation.

Среди наиболее значимых методологических средств, способствующих формированию и развитию основ теории правового регулирования и человеческой деятельности в этой сфере, особое место занимает научный конструкт, характеризующийся как «инструментальный подход», или «инструментальная теория».¹

¹ См., например: *Алексеев С. С.* Теория права. М., 1995. С. 167; *Ветютнев Ю. Ю.* Применение инструментального подхода к праву // Журнал российского права. 2004. № 8; *Сапун В. А.* 1) Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право. Вопросы теории и истории: сб. науч. трудов. Владивосток, 1992; 2) Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002. С. 12–16; 3) Инструментальная теория права и правовые средства как элементы юридической техники // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21); *Шундиков К. В.* 1) Инструментальная теория права — перспективное направление научного исследования // Правоведение. 2002. № 2; 2) Инструментальный подход и инструментальная теория в современном правоведении: методологический аспект // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3; 3) Инструментальный анализ правовой жизни: современность и перспективы // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы / под ред. М. Н. Марченко. М., 2006. Вып. 1. С. 105–115.

Сущность инструментального подхода в правовой науке в краткой форме достаточно просто выражается на уровне принципиальной идеи. Квинтэссенцию инструментальной исследовательской программы образует понимание того, что одним из существенных свойств как права в целом, так и его отдельных элементов является их способность быть средствами достижения тех или иных целей в процессе человеческой практики. Иными словами, речь идет о познании неких инструментальных качеств позитивного права и человеческой деятельности.

Инструментальная идея сама по себе достаточно очевидна и во многом априорна, поскольку вытекает уже из самых поверхностных размышлений о природе правовой формы и легко подтверждается эмпирически. Поэтому неудивительно, что она выступала в качестве бесспорного, аксиоматического постулата и традиционного методологического принципа юридической науки практически на протяжении всей истории ее развития. Мысль о праве как инструменте — верный спутник юридического позитивизма — хорошо и давно знакома и отечественному правоведению, и западной философии и теории права, где утилитаристско-позитивистские концепции до сих пор продолжают оказывать определяющее воздействие на правовое мышление.²

Инструментальное видение правовых феноменов обусловило известную тематическую ориентацию научных исследований юристов, направляло их мысль на постановку и решение определенного круга проблем. Для отечественной теории права такими проблемами выступали, в частности: регулятивная ценность права, сущность правового регулирования, функции, формы, методы, способы, типы, механизмы действия права и правового регулирования, реализация правовых норм, деятельность по использованию правовых средств. В рамках отраслевых юридических исследований множество научных работ российских и советских правоведов было посвящено вопросам инструментального анализа отдельных юридических инструментов: правовых норм, институтов, субъективных прав, обязанностей, запретов, мер ответственности и т. д.

Вместе с тем, инструментальная идея, будучи сама по себе определенным методологическим ориентиром, в силу ее очевидной абстрактности вряд ли способна сообщить существенную методологическую специфику соответствующим научным поискам. Но может ли она, являясь одним из познавательных средств, как общий исследовательский принцип, служить неким основанием и одним из элементов более сложных методологических конструкций? Правомерна ли, в частности, постановка вопроса о существовании инструментального подхода и инструментальной теории в правовой науке? Если да, то что собой представляют данные феномены?

Попытаемся ответить на эти непростые вопросы. Для поиска же ответов на них будем руководствоваться замечанием знаменитого философа Р. Декарта о необходимости правильного употребления слов, которое избавляет мир от половины недоразумений. Прежде всего, следует внести некоторую терминологическую определенность при употреблении понятий «инструментальный подход» и «инструментальная теория».

Общеупотребительное и общенаучное понятие «подход» относится к числу абстракций, недостаточно разработанных в философской и методологической литературе. Толковые словари обычно трактуют слово

² *Право XX века: идеи и ценности: сб. обзоров и рефератов.* М., 2001.

«подход» как совокупность приемов, способов в воздействии на кого-нибудь или что-нибудь, в изучении чего-либо, в ведении дела и т. п.³

Специалисты в области теории систем видят научный подход как «принципиальную методологическую ориентацию исследователя, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящее общей стратегией исследования».⁴ Например, А. Н. Аверьянов различает общую теорию систем, системный подход и системный анализ как различные направления так называемого системного движения в научных исследованиях.⁵ Отмечается также роль научного подхода как своеобразного способа междисциплинарной трансляции знаний и исследовательских программ. В частности, В. Н. Садовский характеризует системный подход как форму «восприятия методов и принципов системного исследования, которой преимущественно пользуются специалисты конкретных научных и технических дисциплин, работающие в области конкретно-научного знания о системах».⁶

Ряд ученых, работавших над изучением системных объектов, фактически отождествляют понятия «подход» и «метод».⁷ Другие методологи возражают против подобной постановки вопроса. В частности, Е. В. Ушаков полагает, что подход представляет собою категорию более общую, чем метод, и отмечает ряд различий между этими явлениями. Во-первых, по его мнению, подход — менее оформленное методологическое образование по сравнению с научным методом. Понятие подхода употребляется тогда, когда та или иная предметная область науки методологически еще не совершенна и в этом случае мы лишь ищем подходы к проблеме. Вполне возможна ситуация, когда уже обозначен подход, но еще нет четко проработанного метода.

Во-вторых, подход — это менее директивное методологическое образование. Как правило, подход заведомо имеет или предполагает альтернативы в виде других подходов. Поэтому понятие «подход» нередко употребляется в ситуациях, когда исключена сама возможность единственной методологии.

В-третьих, подход — это более крупное методологическое образование. В рамках одного подхода может использоваться целая совокупность методов. Поэтому понятие «подход» нередко употребляется в тех ситуациях, когда исходная методологическая идея может быть реализована разнообразными методами.⁸

С вышеприведенными тезисами во многом перекликается понимание сущности исследовательского подхода, распространенное среди юристов-методологов. Последние, в частности, полагают, что подход в научных исследованиях «определяет основной путь, стратегию решения поставленной

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 500.

⁴ Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 74.

⁵ Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985. С. 6.

⁶ Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974. С. 31.

⁷ См., например: Уемов А. И. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования // Системные исследования. М., 1969. С. 80–94.

⁸ Ушаков Е. В. Введение в философию и методологию науки. Учебник. М., 2005. С. 58.

задачи»,⁹ рассматривают его как элемент метода правовой науки.¹⁰ Отмечается правоведами и трансляционно-методологическая функция научного подхода. «Для юридической науки, — пишет Н. Н. Тарасов, — обращение к методологическим подходам, связанным с теми или иными метанаучными областями, — это вопрос вовлечения в методологический арсенал юриспруденции тех или иных систем и схем научного мышления, обеспечивающих углубленное, всестороннее познание государства и права».¹¹

Итак, научный подход — неотъемлемый, хотя, может быть, и не всегда осознаваемый и рационально применяемый исследователями инструмент научного познания. При этом сам по себе подход очевидно не способен дать содержательного знания. Он лишь определенным образом ориентирует исследователя и, по сути, представляет собой своеобразный «выбор объекта», изначальную ориентацию познающего субъекта на изучение тех или иных его граней, совокупности свойств, рассмотрение его в той или иной плоскости.

Важное значение научного подхода заключается в том, что уже на начальных этапах исследования он моделирует соответствующее «проблемное поле», фокусирует внимание исследователя на конкретных вопросах и проблемах, необходимости решения определенного круга познавательных задач. Подобный шаг представляется весьма значимым в методологическом плане, поскольку выступает важным отправным пунктом в процессе дальнейшего подбора необходимого комплекса аналитических средств, той или иной системы методов исследования. Как уже было отмечено, специфическое проблемное поле сложилось и в рамках инструментального подхода в юриспруденции.

Исследовательский подход, безусловно, не тождественен *научной теории*, под которой в широком смысле понимают конкретное учение, систему научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности природы, общества, мышления либо совокупность обобщенных положений, образующих науку (раздел науки).¹²

В сфере правоведения понимание феномена теории является дискуссионным. Высказана точка зрения, согласно которой теория как совокупность наиболее значимых результатов познания предмета общей теории права образует самостоятельный компонент данной науки. Теоретические знания об отдельных фрагментах, частях предмета науки не составляют в своей совокупности теории, поскольку лишены такого ее необходимого качества, как системность, полнота знания о предмете. При этом данные блоки знания входят в состав общей теории права как науки в качестве ее разделов.¹³

В то же время, рядом современных юристов признается факт существования, как в структуре правоведения в целом, так и в структуре науки общей теории права, ряда специально-научных теорий, «теорий среднего уровня», посвященных анализу определенных частных аспектов правовой действительности.¹⁴

⁹ Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. С. 87–88.

¹⁰ Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Правоведение. 2001. № 1. С. 46.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² См., например: Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 729.

¹³ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. В 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000. С. 128–132.

¹⁴ См., например: Алексеев С. С. Специально-научные теории в советском правоведении // Теоретические проблемы истории права. Тарту, 1989. С. 16–23.

Последняя позиция представляется более убедительной. Обособление в структурах многих наук относительно самостоятельных разделов научного знания — очевидный факт. Причем в самых разных науках подобные блоки информации принято называть теориями. Так, достаточно устоялись представления о теории познания как разделе философии, теории множеств как разделе математики, теории относительности как разделе физики.

Отнюдь не противоречит постановка вопроса о «внутринаучных» теориях и уже упоминаемой общепринятой трактовке термина «теория» и логико-философской интерпретации данного вопроса. Понятие «теория» является одним из фундаментальных понятий философской гносеологии. Философы и логики рассматривают теорию как одну из форм научного знания.¹⁵ В противовес знанию эмпирическому теория дает понимание сущности познаваемого объекта через объяснение всеобщего в единичном, закономерного в массе явлений, необходимого в случайном. На уровне теоретического познания факты и гипотезы связаны в некоторую целостность благодаря тому, что они подведены под общие законы, а связи между ними выводятся из последних.¹⁶

Помимо всеобщности и необходимости в качестве основополагающих характеристик теории как формы знания в философской литературе выделяются и такие ее свойства, как содержательность (предметность, репрезентативность) — способность в некотором более или менее строго определенном отношении представлять предметы объективного мира, аподиктичность (неопровержимость, безусловная правильность), универсальность, самоожесточенность и др.¹⁷

Таким образом, понятие теории в философском контексте оказывается довольно индифферентным к особенностям изучаемого объекта, но ориентирует преимущественно на те качественные характеристики, которые свойственны данной форме научного знания.

При этом, по нашему мнению, не является корректным требование полноты научной теории как необходимости наличия некоего абсолютно законченного знания об объекте, отражающего его во всем многообразии его сторон, элементов, связей и зависимостей. В противном случае мы должны будем поставить под сомнение принцип бесконечности познания. Если же мы признаем, что абсолютно полное знание невозможно, то, наделяя теорию свойством полноты отражения объекта, мы должны прийти к выводу о том, что никаких теорий в современной науке не только не существует, но и не может сложиться в будущем. Но подобный тезис вряд ли можно считать оправданным, поскольку ничего, кроме путаницы, в понимание содержания научного термина он не привносит.

Постановка вопроса об инструментальном подходе и инструментальной теории как относительно самостоятельных теоретико-методологических феноменах правовой науки, на наш взгляд, вполне допустима. Помимо прочего, связка данных понятий позволяет раскрыть необходимую логику развития инструментальных исследований в правоведении. Последняя заключается в том, что методологический подход предвещает формирование соответствующей теории.

¹⁵ См., например: *Стефанов Н.* Теория и метод в общественных науках. М., 1967. С. 48.

¹⁶ *Философский энциклопедический словарь.* М., 2002. С. 452.

¹⁷ См., например: *Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П.* Теория и ее объект. М., 1973. С. 87.

Анализ круга научных проблем, которыми занималась и занимается российская правовая наука, позволяет прийти к выводу о том, что инструментальный подход был и остается одним из основных методологических подходов юристов наряду с такими, как институциональный, исторический, системно-структурный, телеологический, психологический, аксиологический подход и др.

Такой подход выражается, главным образом, в особой объектной и целевой ориентации проводимых исследований. Методологическая же специфика рассмотрения соответствующих научных проблем преимущественно проявляется в использовании познавательного потенциала отдельных философских и специально-научных понятий (цель, средство, результат, функция, деятельность, механизм и т. д.).

Что касается инструментальной теории права, то, по нашему мнению, в настоящее время вряд ли можно говорить о ее наличии. Подобная теория права в качестве целостной, системной, логически непротиворечивой научной концепции пока не сформирована и наиболее заметным индикатором этого служит недостаточно развитый понятийный аппарат.

Процесс формирования специальных понятий, отражающих инструментальные характеристики правовой формы («правовое регулирование», «механизм правового регулирования», «механизм действия права», «цель в праве», «функция права», «правовое средство», «юридическая деятельность» и др.), до сих пор не завершился, содержание названных понятий остается дискуссионным.

Кроме того, ощущается также отсутствие необходимой системности в исследовании соответствующей научной проблематики, комплексного подхода к ее анализу. На пути к статусу научной теории помимо формирования устойчивого понятийного аппарата «правовому инструментализму» предстоит еще пройти этап приведения этого аппарата в определенную систему путем установления соответствующих логических, структурных, функциональных и прочих связей между отдельными научными абстракциями.

Для лучшего понимания феномена инструментализма и его места в современной правовой науке представляется важной оценка его *гносеологического и методологического потенциала*. В связи с этим особое значение приобретают вопросы о самостоятельном объекте научных исследований в рамках инструментальной теории права, специфике ее «проблемного поля», а также о наиболее перспективных направлениях ее развития, потенциальных «точках роста» нового научного знания.

Логика развития инструментального анализа в правоведении предполагает комплексное исследование целого ряда научных проблем. Не претендуя на изложение их исчерпывающего перечня, обозначим те из них, которые представляются нам наиболее масштабными, фундаментальными, изучение которых в перспективе способно образовать самостоятельные направления научных исследований.

Прежде всего среди таких проблемных зон следует отметить *вопросы ценности права, его социальной востребованности*. Инструментальный подход, как верно подчеркивает С. С. Алексеев, «позволяет предметно, конкретизированно раскрыть собственную ценность права, абсолютность и приоритет правовых начал в обществе, силу духа права... Именно с позиций инструментального подхода оказывается возможным говорить не только о ценности права вообще, но и о правовых ценностях».¹⁸

¹⁸ Алексеев С. С. Теория права. С. 167.

Обозначенная проблематика весьма многогранна и охватывает собой целый ряд частных исследовательских задач: изучение социальной востребованности позитивного права на уровне различных субъектов правовой жизни (в целом общества, отдельных социальных групп, индивидуумов и т. д.), на различных этапах развития конкретного общества и деятельности в сфере правового регулирования (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной). В широком смысле речь идет о познании аксиологии правовой формы — направлении, которое в последнее время вновь привлекает внимание правоведов.¹⁹ Полагаем, что одним из ключевых векторов данного направления должно стать изучение инструментальной ценности позитивного права.

Инструментальные исследования правовой материи также невозможно представить без анализа сложного комплекса проблем, связанных с телеологическими (целевыми) аспектами правового регулирования, вопросами целенаправленности и целесообразности правовой политики общества и государства.²⁰

Круг проблем, связанных с познанием целевых аспектов правового регулирования, весьма обширен. Он может охватить изучение целевых ориентиров правового регулирования в масштабе определенного общества в целом, исследование целей отдельных субъектов правотворчества, правоприменительной и иной практики, а также конкретных субъектов правореализационной практики. Он также логично предполагает рассмотрение вопроса о «целях в праве» — ориентирах, нормативно формализованных в действующем законодательстве того или иного государства.

Очевидно, что обозначенный круг проблем актуален не только в теоретическом, но и в практическом отношении. Процессы правового регулирования в конкретном государстве в конкретный исторический период всегда носят целенаправленный характер. Ориентиры же правовой политики есть феномены, во многом обуславливающие ее результаты. Следовательно, понимание особенностей целеполагания и реализации ориентиров в области правовой сферы является одним из существенных условий его оптимизации.

Инструментальная теория в правоведении призвана, с одной стороны, через анализ инструментальных особенностей права раскрывать его смысл и предназначение в исторически конкретном социуме, а с другой стороны — сопоставлять наличные правовые средства и механизмы со стратегией развития правовой системы общества.

Развивая мысль об объективно необходимом содержании инструментальной теории права, следует отметить, что ее вряд ли можно представить себе без анализа *фундаментальных инструментальных свойств и закономерностей правовой материи*, поиск которых возможен как на «макроуровне» — применительно к позитивному праву в целом, так и на

¹⁹ См., например: *Ветютнев Ю. Ю.* Аксиология правовой формы. М., 2013.

²⁰ См., например: *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. М., 1972; *Насырова Т. Я.* Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Казань, 1988; *Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве. Л., 1976; *Малько А. В., Шундилов К. В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003; *Михайлова М.* Цел и целесообразность в правото. София, 1983; *Чулюкин Л. Д.* Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984; *Экимов А. И.* Категория «цель» в советском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970; *Шундилов К. В.* Цели и средства в праве (общетеоретический аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

«микроуровне» — применительно к его отдельным структурным институтам.

В связи с этим одной из приоритетных задач нам видится дальнейшее развитие понятийного аппарата, уточнение базовых рабочих абстракций правового инструментализма. Одним из важнейших в ряду таких понятий является *понятие юридического средства*, которое в настоящее время продолжает оставаться дискуссионным.²¹ Думается, что развитие и непротиворечивое теоретическое учение о правовом средстве в перспективе должно образовать центральное системообразующее звено инструментальной концепции в правоведеии.

Кроме того, принцип целостности научной теории объективно предполагает необходимость дальнейшего развития и конкретизации и иных основополагающих понятий инструментальной теории (цель, результат, функция права, правовые механизмы, правовые режимы, правовые стимулы и ограничения, эффективность правового регулирования и др.).

Перечисленные научные понятия отличаются в настоящее время различной глубиной научной разработки. Так, категория *функции права* была проанализирована достаточно основательно еще советскими правоведами.²² Вместе с тем в рамках целостной инструментальной теории, в системе ее иных понятий, данная категория может получить дальнейшее развитие, а также содействовать уточнению других понятий, получению новой научной информации.

В частности, акценты научного изучения могут быть несколько смещены в объекте — помимо функций позитивного права, возможна постановка вопроса о функциях отдельных правовых средств, об условиях максимальной эффективности тех или иных функций конкретных юридических инструментов и т. д. Подобным же образом позитивную роль в научном поиске могут сыграть и такие достаточно разработанные категории теории права, как цель в праве, стимулы и ограничения в праве, эффективность правового регулирования и др.

Ряд понятий, объективно попадающих в проблемное поле инструментальной теории, хотя и становились уже неоднократно предметом изучения, тем не менее во многих аспектах продолжают оставаться дискуссионными (способы, методы, типы, стадии, механизм правового регулирования и др.). Наконец, некоторые абстракции правового инструментализма находятся сейчас лишь на начальных этапах развития и представляют в этом смысле перспективные объекты исследований. Среди них, помимо уже упомянувшейся конструкции «правовое средство», можно отметить понятия: «результат правового регулирования», «правовой механизм», «правовой режим», «правовая политика». Безусловно, этот перечень является не полным.

Инструментальный анализ правовой формы не может обойти стороной и *проблемы практического действия правовых средств и механизмов*, вопросов правового регулирования, функционирования правовой материи. Этот «прикладной» аспект правового инструментализма представляется

²¹ См., в частности: *Алексеев С. С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6; *Малько А. В.* Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8; *Салун В. А.* Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002; *Шундиков К. В.* Цели и средства в праве (общетеоретический аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

²² См., например: *Радько Т. Н.* Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970.

особенно важным в период продолжающейся правовой реформы в России, ведь ни для кого не секрет, что, несмотря на внешне активную динамику, процессы правового регулирования в нашей стране далеко не всегда приводят к желаемым результатам.

Инструментальная теория по самой своей сущности во многом носит прикладную направленность, ее конструкции призваны не только объяснить существенные качества, раскрывать особые инструментальные свойства и закономерности правовой формы, но и обозначать наиболее приемлемые пути совершенствования процессов правового регулирования социальных связей. Разработка системы конкретных предложений по совершенствованию инструментальной организации правовой материи, повышению эффективности проводимой правовой политики в современном государстве является не только возможным, но и практически востребованным направлением развития инструментальной теории в правоведении.

Одним из результатов развития этого прикладного аспекта инструментального подхода является формирующаяся в современной отечественной теории права концепция правовой политики.²³ Эта научно-исследовательская программа весьма удачно, на наш взгляд, дополняет «онтологическую» часть правового инструментализма учением о должном качественном состоянии правового регулирования, о его идеальных моделях.

Таким образом, инструментальный подход открывает довольно широкие возможности в исследовании явлений и процессов правовой жизни общества, он направлен на получение новых теоретических знаний относительно достаточно широкого круга проблем как общетеоретического и философского характера, так и сугубо «технического», прикладного свойства.

Развитие инструментальной теории, несомненно, сможет придать новый импульс процессу оформления ряда самостоятельных актуальных направлений научных исследований. При этом в процессе развития основных конструкций инструментальной теории в правовой науке весьма значимым представляется соблюдение принципа системности научных исследований, согласованности полученных знаний. Данная сфера познания объективно носит интегрированный, синтетический характер, что предопределено целостностью изучаемого объекта.

В методологическом плане речь идет о синтезе научного знания, потенциально возможном в результате формирования базовых понятий данной исследовательской программы. История развития научной мысли в целом и в отдельных отраслях науки, по конкретным направлениям научных исследований довольно отчетливо демонстрирует тенденцию движения от познания элементов к пониманию объекта в его целостности, от аналитических способов познания объекта к синтезу накопленных знаний.

²³ См., например: Коробова А. П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты в современной России. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000; Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003; Исаков Н. В. Правовая политика России: теоретические аспекты. Саратов, 2003; Правовая политика: от концепции к реальности / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2004; Шундилов К. В. Концепция правовой политики Российской Федерации: некоторые практические проблемы // Вестник Саратовской государственной академии права. 2005. № 1; Матузов Н. И., Малько А. В., Шундилов К. В. Проект концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. М., 2008; Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012.

К концу XX в. стало очевидно, что методологическая парадигма, основанная на систематическом расчленении всего сущего, хотя и привела к победам, но столкнулась с принципиальными трудностями. Односторонность, узость аналитических методик исследования была отмечена в истории науки и философии достаточно давно. Однако только в тектологии А. А. Богданова, теории систем Берталанфи, кибернетике само осознание необходимости целостного подхода к действительности приобрело реальные научные формы.²⁴

В правоведении данная тенденция также проявила себя. Юридическая наука складывалась и развивалась преимущественно как наука прикладная. На общетеоретическом же, фундаментальном уровне научного анализа правовых явлений на протяжении всего периода ее истории в качестве доминирующих методологических средств выступали аналитический подход и формальная логика. На определенном этапе зрелости, с накоплением научного знания об отдельных элементах правовой формы у юристов появились предпосылки к интеграции научного знания, что выразилось в попытках формирования ряда синтетических научных категорий, в частности, таких, как: юридическая надстройка, правовая система общества, правовая сфера, правовая форма, правовое регулирование, механизм правового регулирования, правовая жизнь.

Думается, что и в рамках «инструментальной юриспруденции», по крайней мере на общетеоретическом ее уровне, в перспективе нельзя будет отказаться от попыток решения проблемы синтеза накопленного научного знания, связывания сформировавшихся понятийных конструкций в единое учение. Учитывая сказанное, общим интегрированным абстрактным объектом инструментальной теории права следует считать сам процесс правового регулирования общественных отношений. При этом правовое регулирование одновременно выступает и наиболее общей, фундаментальной категорией инструментальной теории права.

Помимо сугубо гносеологического, познавательного, дальнейшее развитие инструментальной теории в правоведении имеет и весьма важное методологическое значение. Как мы уже отмечали, правовой инструментализм включает в себе особую познавательную методику, отличающуюся универсальностью и потенциально применимую в рамках научных исследований, проводимых иными юридическими дисциплинами при решении своих конкретных исследовательских задач.

Одна из важных задач инструментальной теории права — исследовать роль человеческой деятельности в использовании правовых средств в процессе правового регулирования.

Человеческая деятельность как таковая исследуется, прежде всего, экономической теорией и таким ее направлением, как праксиология — наука, представляющая собой общую теорию человеческой деятельности.²⁵ Сам термин «праксиология» впервые использован и введен в научный оборот Альфредом Эспинасом в конце XIX в. Позже, в середине XX в., праксиологические исследования интенсивно проводились в Польше. Под руководством Т. Котарбинского работал институт праксиологии, проводились

²⁴ Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 19–21.

²⁵ Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Социум. 2005. С. 7.

социологические исследования в области организации деятельности, выпускались монографии, сборники научных трудов.²⁶

С позиций праксиологии человеческая деятельность есть целеустремленное поведение. «Деятельность есть воля, приведенная в движение и трансформированная в силу, стремление к цели; осмысленная реакция субъекта на раздражение и условия среды; сознательное приспособление человека к состоянию Вселенной, которая определяет его жизнь».²⁷

В исследованиях проблем деятельности российскими учеными праксиология понимается как общая теория человеческой деятельности, ее стратегий, программ, средств теоретической и практической деятельности.²⁸ Именно в таком понимании положения праксиологии применимы к исследованию деятельности в инструментальной теории права. При этом в структуру человеческой деятельности включаются правовые средства, с помощью которых достигаются правовые цели, разрешаются разнообразные правовые ситуации и задачи в сфере правового регулирования.

Таким образом, цели и задачи деятельности всегда предполагают определенные средства их достижения. Праксиологическое рассмотрение средств деятельности инструментальной теории права очень важно. Оно углубляет наше понимание факторов, определяющих нормативное закрепление и выбор правовых средств, позволяет выявить особенности человеческой деятельности в связи с характером и содержанием этих средств, ибо средства в их реальном функционировании, использовании не существуют вне деятельности. «Средства в самом общем виде — это все то, что служит ради цели, а значит ради решения конкретной задачи. В качестве средства деятельности может выступать любой материальный и духовный феномен, процесс или свойство при условии возможности привлечения их к процессу осуществления цели».²⁹

Между тем, не все явления, предметы или процессы могут стать средством достижения той или иной цели, конкретной задачи. Они должны обладать определенной совокупностью объективных свойств. Так, правовые средства (далее — ПС), чтобы быть таковыми, должны обладать свойствами институционности, реальной применимости, результативности, определенным уровнем юридической силы, ибо их использование в процессе деятельности с необходимостью приводит к достижению определенных результатов. Кроме того, ПС обладают определенным уровнем нормативности, они группируются вокруг правовых норм как первичных «клеточек» права, вне правовых норм ПС существовать не могут. ПС являются элементами предельно широкого явления — правовой действительности.

Все явления правовой действительности с определенной долей условности можно подразделить на четыре большие группы.

1. Правовые установления, составляющие субстанцию права, т. е. явления — регуляторы, образующие вещество, узловые пункты права, первичные центры правовой действительности, вокруг которых группируются иные правовые явления: нормы права, правоотношения, правоспособность,

²⁶ Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975; Гаспарской В. Праксиологический анализ проектно-конструкторских разработок. М., 1978.

²⁷ Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность... С. 14.

²⁸ Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1974. С. 169; Чунаева А. А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). Л., 1979. С. 57–68; Вильчинский В. Я. Познание и практика в структуре деятельности. Рига, 1988.

²⁹ Вильчинский В. Я. Познание и практика... С. 30–31.

правомочия и компетенция, субъективные права и обязанности, договоры, юридическая ответственность и меры защиты и др.

2. Явления правовой формы. В эту группу входят такие правовые формы, как законодательные и иные нормативно-правовые акты, индивидуальные акты, иные юридические документы,³⁰ юридическая техника как система правил и приемов подготовки законодательных и других нормативно-правовых актов, иных юридических документов.³¹

3. Правовая (юридическая) деятельность, т. е. такая система действий и операций субъектов с использованием правовых форм и установлений, которая направлена на выполнение поставленных перед такой деятельностью задач — правотворческая (законодательная) деятельность, правореализующая, в том числе правоприменительная деятельность, толкование права и систематизация законодательства.

4. Субъективные явления правовой действительности: правовая идеология и правовая культура, уровни и виды правосознания, юридическая наука.

Правовые средства составляют первую и вторую группы правовых явлений. Правовая деятельность — это система действий и операций по использованию правовых средств. Практическое осознание и активное использование правовых средств в сфере правового регулирования и придает деятельности субъектов правовой характер. Поэтому правовая деятельность находится в иной плоскости правовой действительности и по этим соображениям не может быть причислена к ПС.

При помощи четвертой группы правовых явлений: правосознания, его видов и уровней, — происходит субъективное освоение ПС, формируются навыки, умения, установки и, в конечном счете, — готовность к их практическому использованию в процессе человеческой деятельности. Изложенное подтверждает вывод о том, что ПС являются центральным звеном деятельности в сфере правового регулирования, определяют правовой характер такой деятельности. Именно ПС являются инструментом, при использовании которого в процессе человеческой деятельности достигаются цели, решаются разнообразные задачи. В этом представляется глубокий практический смысл в формировании в современной юриспруденции специально-научной инструментальной теории права, способной не только выявить особенности использования ПС в различных видах юридической деятельности, но и предложить оптимальные варианты их подключения к разрешению разнообразных задач в различных типах правового регулирования.

При анализе ПС в структуре человеческой деятельности необходимо выявить закономерные связи и взаимодействие средств деятельности с иными ее компонентами, а также рассмотреть основные этапы деятельности.

Классическая праксиологическая модель деятельности выделяет три ее элемента, которые сливаются в единое целое «реализацией общей цели деятельности»: 1) тот, кто действует — субъект деятельности; 2) то, с помощью чего воздействие реализуется — посредник, средство; 3) то, на что осуществляется воздействие — объект.

Цепь деятельности как праксиологическая модель может быть представлена в виде следующей схемы:

³⁰ Каргин К. В. Юридические документы. М., 2008. С. 63–100.

³¹ Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2007. С. 76–86.

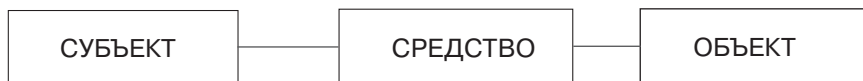

Рис. 1. Праксиологическая модель деятельности

Праксиологическая модель деятельности, вычлняя наиболее устойчивые ее элементы, имеет как теоретическое, так и практическое значение при анализе правовых средств в структуре деятельности. Особенности субъективно-объективного состава деятельности в сфере действия права предопределяют соответствующий выбор и порядок использования ПС для достижения определенного результата. Так, своеобразие ПС обеспечения собственности при аренде, порядок их использования зависит от правового положения арендодателя и арендатора в арендных отношениях, а также объектов права собственности при аренде. Например, согласно ст. 624 ГК РФ в законе или договоре может быть предусмотрено, что арендованное имущество переходит в собственность арендатора по истечении срока аренды или до его истечения при условии внесения арендатором всей обусловленной договором выкупной цены. При этом законом могут быть установлены случаи запрещения выкупа арендованного имущества (п. 3 ст. 124 ГК РФ).

Опираясь на праксиологический уровень изучения структуры деятельности, можно выделить следующие основные компоненты деятельности в сфере правового регулирования при осуществлении права: субъект деятельности в единстве с его целями и конкретными задачами; условия деятельности (социальная среда); правовые средства; процесс деятельности с использованием правовых средств; объект деятельности (объект правового регулирования); результат деятельности, при котором достигается эффект от использования правовых средств. При этом праксиологическая модель деятельности и место правовых средств в ее структуре может быть выражена в следующей схеме:

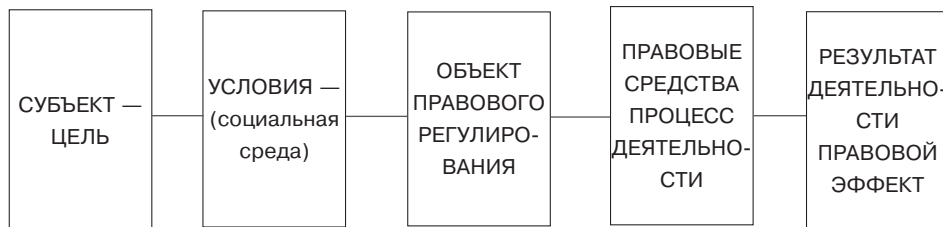

Рис. 2. Правовые средства в структуре праксиологической модели деятельности

Применяя положения праксиологии об этапах человеческой деятельности к сфере правового регулирования, отметим наиболее общие фазы такой деятельности:

1) Подготовка, включающая выбор цели и постановку конкретной задачи. Праксиологи именуют эту стадию препаративной действии³² и применяют

³² Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. С. 150.

к ней выработанный психологией принцип антиципации — способности действовать или принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых будущих событий.³³

2) Выбор и анализ правовых средств с учетом социальных условий деятельности и объекта правового регулирования.

3) Совершение фактических действий с практическим использованием правовых средств.

4) Принятие правового решения и его процессуально-процедурное оформление.

5) Контроль и исполнение принятого решения.

Общие стадии деятельности в процессе осуществления права могут быть конкретизированы в зависимости от видов конкретной деятельности по использованию правовых средств. Например, правоприменительная деятельность может быть представлена из ряда функциональных и процедурных стадий, рассматриваемых с точки зрения интеллектуально-волевой деятельности правоприменителя, либо в аспекте требований определенной юридической процедуры, системы взаимосвязанных правоприменительных действий и определений по отдельным категориям юридических дел.³⁴

Исходя из анализа структуры деятельности и ее этапов с позиций праксиологии и инструментального подхода к праву, можно предложить следующее определение деятельности в сфере правового регулирования. Деятельность — это активное воздействие субъекта на объект (предмет) правового регулирования, осуществляемое с помощью ПС, ради достижения стоящих перед субъектом целей и решения конкретных задач.

Анализ ПС в структуре деятельности выводит исследование механизма и способов правового регулирования на новые рубежи, придает такому исследованию непосредственно практическую направленность. Важнейшим итогом деятельности по осуществлению права является соответствие результатов деятельности задуманному в качестве цели. Между тем степень этого совпадения в каждом конкретном случае зависит от правильного выбора правовых средств, их пригодности для решения определенной задачи в данных социальных условиях, корректного и искусного их использования в процессе деятельности в различных типах правового регулирования.

Таким образом, характер и содержание деятельности, ее виды в правовом регулировании определяются не только субъектно-объектным составом, но и особенностями ПС, их составом в различных типах правового регулирования, которые придают определенную направленность человеческой деятельности.

Так, деятельность субъектов по использованию права в сфере общедозволенного регулирования носит в большей степени общесоциальный характер и не сопровождается непосредственным использованием в активных формах специальных юридических средств. ПС при этом призваны обеспечить простор и гарантировать самостоятельную, автономную деятельность лиц в целях удовлетворения разнообразных потребностей и интересов в различных сферах их жизнедеятельности. Это прежде всего относится к личной жизни граждан как субъектов гражданского общества,

³³ Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М., 1980. С. 5.

³⁴ Левченко И. П. Механизм применения права. Смоленск, 1997. С. 46–51.

реализующих абсолютные права на жизнь, образование, труд, собственность. Правовые средства здесь, с одной стороны, определяют общие границы правомерности использования права, а с другой, гарантируют при определенных юридических фактах и обстоятельствах достижение желаемого результата — получение зарплаты, приобретение права собственности, провочий арендатора и т. д. Одновременно правовыми средствами вводятся оптимальные ограничительные линии, обеспечивающие соблюдение права и препятствующие произволу. Это своеобразные «стоп-сигналы» в виде запретов, юридических обязанностей пассивного содержания, других охранительных средств, составляющих юридический механизм правовой защищенности общества, который призван гарантировать социальную свободу субъектов от возможного произвола.

Деятельность в составе общедозволительного регулирования по использованию и соблюдению права, не требующая активных форм использования специальных правовых средств, может быть представлена в виде *фактического правомерного поведения*, которое по содержанию деятельности субъектов весьма условно носит юридический характер. Лица используют здесь правомочия на собственные действия, соблюдают правовые запреты, т. е. осуществляют юридически значимую деятельность в силу прямого осуществления материальных, политических, духовных и иных интересов. Фактическая деятельность при этом определяется, прежде всего, общесоциальными, духовными, экономическими факторами и стимулами и лишь соприкасается с правом, приобретает юридическую значимость постольку, поскольку правовые средства открывают простор для использования общесоциальных регуляторов и стимулов либо устанавливают запреты на совершение определенных действий.

Особый характер, юридическое содержание приобретает деятельность субъектов при активных формах использования правовых средств регулятивного и охранительного значения в составе общедозволительного типа регулирования. Такая деятельность получает характер *правовой активности* и основывается на инициативе субъектов, их усмотрении в выборе и использовании ПС, без которых невозможно или затруднительно решение специальных задач в автономной сфере жизнедеятельности субъектов гражданского общества. Правовая активность выражается в правильном выборе юридических средств, их искусном, умелом использовании, преодолении возможных противоречий, коллизий между правовыми средствами в процессе осуществления правомочий в сфере индивидуального автономного регулирования.

Специальные юридические действия в составе правовой активности выражаются нередко в институционных правовых формах и установлениях (договоры и специальные протоколы, соглашения по их реализации, письменные формы и условия сделок, юридически оформленные кредитные отношения, жалобы и заявления, акцепты платежных требований и др.) и являются в этом качестве средствами индивидуального регулирования. Эти ПС могут формироваться самими субъектами в процессе правовой активности и в этих случаях включаются в «блок» юридического механизма общедозволительного регулирования как ПС внутреннего действия.

Правовая активность может сопровождаться процессуально-процедурными средствами использования права, когда к автономному регулированию подключаются ПС разрешительного регулирования, а также позитивные обязывания с набором вторичных юридических средств императивного характера, вносящие в автономное регулирование элементы государственно-организующих начал централизованного регулирования.

Правовая активность выражается и в использовании охранительных ПС, когда управомоченные при использовании права самостоятельно прибегают к дозволенным способам защиты субъективных прав, применяя, например, юридические меры оперативного воздействия (отказ от принятия ненадлежащего или просроченного исполнения; перевод покупателем поставщика на оплату продукции после предварительной приемки ее по качеству и др.), а обязанные лица добровольно используют дополнительные юридические обязанности в договорных отношениях (добровольное возмещение лицом, нарушившим обязательство, причиненных убытков, уплата неустойки (штрафа, пени и т. п.)).

Иной характер и содержание имеет человеческая деятельность в составе разрешительного регулирования, что обусловлено особенностями общественных отношений, которые требуют особой организации и упорядочения в процессе правореализующей, а в необходимых случаях и правоприменительной деятельности.

Правовые средства разрешительного регулирования опосредуют такую деятельность в следующих основных ситуациях:

— в деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих государственно-властные полномочия, выполняющих управленческие функции;

— в тех областях социальной жизни, где правовые средства в виде запрета и конкретного дозволения в различных модификациях (исключение из общего правила) обеспечивают реализацию субъективных прав, составляют юридический механизм их гарантирования;

— в случаях, когда необходимо при помощи разрешительных правовых средств и правореализующей деятельности по использованию права обеспечить требования общественной безопасности, охрану окружающей среды, защиту интересов других граждан и организаций;

— в случаях необходимости обеспечения с юридической стороны надежности, определенности в использовании права, создания устойчивой социально-психологической обстановки при использовании соответствующих субъективных прав, выраженных в управомочивающих нормах в виде конкретных смоделированных дозволений. Это может оказаться предпочтительным в ряде случаев в связи с ограниченным использованием до настоящего времени правовых способов и средств общедозволительного регулирования, ориентацией массового правосознания на преимущественно ограничительно-запретительные и конкретно-дозволительные стороны права;

— при применении мер юридической ответственности и иной правоохранительной деятельности компетентных органов;

— процессуально-процедурные средства разрешительного регулирования оформляют надлежащее использование и соблюдение права. При этом они могут вплестаться в ткань общедозволительного регулирования в качестве вторичных правовых средств, придавая использованию права в этих случаях упорядоченно-организующее начало.

Воплощенные в действиях субъектов использования права императивно-властные правовые средства разрешительного регулирования выражают минимальную свободу лиц, строго очерченную рамками действующего законодательства. Особенно это относится к действиям по использованию права в режиме разрешительного регулирования, когда субъективные права используются по строго установленным правилам, а первичными правовыми средствами являются общие запреты, воплощенные в системе юридических обязанностей воздерживаться от иного,

помимо установленного в конкретных дозволениях, вида и способа действий. Такого рода использование права характеризует, прежде всего, деятельность государственных органов и должностных лиц, правомочия которых получают строгую нормативно-правовую легитимацию.

Упорядоченность человеческой деятельности в составе разрешительного регулирования обеспечивается соблюдением и использованием процедурно-процессуальных форм, которые придают поведению субъектов максимально организованный характер с непосредственным выходом своей «другой стороной» на реализацию прав, свобод, обязанностей индивидуальных лиц, трудовых коллективов, организаций, иных субъектов гражданского общества, не обладающих властными правомочиями.

Важное практическое значение в современный период имеет развитие и использование охранительных средств, вступающих в действие при превышении полномочий носителями властных функций, совершении ими действий, выходящих за пределы дозволенного, наносящих реальный материальный и иной вред участникам данного вида общественных отношений. Действиями по обеспечению права с помощью правовых средств охранительно-обеспечительного значения в этих случаях могут быть исполнение обязанностей по возмещению убытков, причиненных вследствие исполнения некомпетентного решения вышестоящего органа, применение мер дисциплинарной ответственности к должностному лицу, отмена незаконного акта.

Организационно-упорядоченный характер носит деятельность субъектов разрешительного регулирования в обеспечении индивидуальных интересов граждан. В тех областях общественной жизни, которые требуют строгого обеспечения общественной безопасности (охрана окружающей среды, защита интересов граждан, организаций и общества в целом), реализация права осуществляется организационно-правовыми средствами разрешительного регулирования и воплощается в специальной правореализующей деятельности. Действия по использованию субъективных прав, возникающих у лиц в строго установленном порядке, чаще всего требуют предварительного оформления в определенном юридическом документе, осуществляются по точно обозначенным в специальных предписаниях правилам и процедурам.

Особенности ПС, обеспечивающих исполнение активных юридических обязанностей, их определенность, легитимированность, высокая юридическая обеспеченность сближает их по юридическим качествам с правовыми средствами разрешительного регулирования, что предопределяет специфический характер деятельности по исполнению обязанностей, а также использованию и соблюдению права в составе разрешительного регулирования, которая по своему содержанию может быть представлена в виде *правореализующей деятельности*. Особенность такой деятельности заключается в том, что субъекты в процессе действия права непосредственно используют правовые формы, типовые программы поведения, установленные и предписанные в юридических нормах обязывающего содержания и правовых институтах разрешительного регулирования. ПС при этом отличаются значительным потенциалом, внешней силой, обеспечивают с юридической стороны неукоснительное проведение в жизнь правовых предписаний, определяют рамки, строгий порядок использования правовых возможностей.

Правореализующая деятельность отличается следующими чертами. По своему содержанию она является организационным выражением реализации права, при которой типовые модели, программы поведения в виде

правовых предписаний и конкретных дозволений переносятся с помощью активных действий субъектов в фактические отношения, претворяются в жизнь. Правореализующая деятельность осуществляется с активным, непосредственным использованием специально-юридических средств императивного, легитимированного характера, которые составляют нормативно-правовой механизм этой деятельности и придают ей особый специализированный характер, отличный от фактического правомерного поведения и правовой активности.

Правореализующая деятельность требует процессуально-процедурных форм и юридически оформленных действий при осуществлении прав и обязанностей. Процедурные формы правореализующей деятельности выражаются в регламентированном правовыми нормами порядке и правилах совершения правореализующих действий, которые находят материальное продолжение в разнообразных индивидуальных актах реализации субъективных прав и юридических обязанностей.

Специализированный характер правореализующей деятельности по использованию правовых средств, преимущественно в составе разрешительного регулирования, сближает этот вид деятельности с организационным выражением применения права — *правоприменительной деятельностью*. И хотя правоприменительная деятельность точно соответствует принципам и юридическому механизму разрешительного регулирования, осуществляется с использованием императивно-властных ПС централизованного регулирования, ее характер и содержание отличается от человеческой деятельности невластных субъектов. По своему содержанию и назначению правоприменительная деятельность осуществляется специальными субъектами, обладающими государственно-властными полномочиями, и выражается в принятии решений, содержащих факультативные ПС, которые призваны обеспечить беспрепятственную правовую активность и надлежащую правореализующую деятельность.

Правоприменительная деятельность своими правовыми средствами «вклинивается» в механизм действия права и призвана при необходимости надлежащим образом ограничивать правореализацию, устранять препятствия в использовании субъективных прав, обеспечить использование и соблюдение юридических обязанностей, устранить дефекты в деятельности по использованию правовых средств. ПС правоприменительной деятельности осуществляют функцию индивидуального нормативного регулирования общественных отношений, направленную на конкретизацию прав и обязанностей, определение их меры и объема.

Государственно-принудительный характер охранительных ПС предопределяет особый вид государственно-властной деятельности по их применению: *правоохранительную деятельность*. В результате деятельности правоприменительных органов к действию права подключаются новые охранительные ПС — правоохранительные акты, иные охранительные формы и установления, порождающие дополнительные права и обязанности участников охранительных правоотношений.

Такими представляются особенности, структура и виды человеческой деятельности в сфере правового регулирования в свете инструментальной теории права.